

www.volsu.ru

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.15>

UDC 94(470+571)“1701”:327

LBC 63.3(2)511–6

Submitted: 25.08.2020

Accepted: 30.09.2020

“SEND FOR HIS GREAT SOVEREIGN AFFAIRS...”: EMBASSY OF D.M. GOLITSYN TO THE SUBLIME PORTE IN 1701

Tatyana A. Bazarova

Saint Petersburg Institute of History of RAS, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In January 1701, Prince D.M. Golitsyn was sent to Sultan Mustafa II for ratification of the Peace Treaty of Constantinople (July 3, 1700). He became the first Petrine diplomat sent to the Sublime Porte with the rank of grand ambassador. *Methods and materials.* The comprehensive study of archival sources (Russian State Archive of Ancient Acts), comparison of the data they contain with published materials make it possible to analyze the mission of Golitsyn in the context of the policy of Peter I towards the Ottoman Empire in the early 18th century. *Analysis.* Due to the hostilities by Narva, the dispatch of the embassy was delayed. The ambassador delivered the ratification of the peace treaty five months later than the agreed date. Golitsyn was the first Russian diplomat to wear a French dress during ceremonies at the Ottoman court. Besides, he not only followed the established ambassadorial custom, but also took into account the experience of his Western European colleagues. In addition to the ratification, Golitsyn had other tasks, the main of which was the conclusion of a trade agreement with the Sublime Porte. The conditions on which the ambassador was supposed to sign the agreement were fixed in a special instruction. The analysis of that instruction and reports of the ambassador showed that for Peter I the priority was not the development of mutually beneficial trade with the Ottoman Empire, but the opportunity to withdraw his fleet from the Azov to the Black Sea. Delivery of goods by Turkish ships or by dry route was considered only as an addition to the Russian Black Sea shipping. The conditions set in the instruction did not give to Golitsyn the opportunity to negotiate with the Sublime Porte, which categorically prohibited the entry of European ships into the Black Sea. *Results.* The sending of a grand ambassador by the tsar to the Ottoman sultan marked the transition of relations between the two states to a new level. Besides, a precedent was created for the reception of high-ranking Peter’s diplomats by the Sublime Porte.

Key words: Russian-Turkish relations, Peter the Great, D. Golitsyn, diplomacy, ratification of the Treaty of Constantinople (1700), trade agreement.

Citation. Bazarova T.A. “Send for His Great Sovereign Affairs...”: Embassy of D.M. Golitsyn to the Sublime Porte in 1701. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 194-206. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.15>

УДК 94(470+571)“1701”:327

ББК 63.3(2)511–6

Дата поступления статьи: 25.08.2020

Дата принятия статьи: 30.09.2020

«ПОСЛАТЬ ДЛЯ СВОИХ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ДЕЛ...»: ПОСОЛЬСТВО Д.М. ГОЛИЦЫНА К ВЫСОКОЙ ПОРТЕ В 1701 году

Татьяна Анатольевна Базарова

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Базарова Т.А., 2021

Аннотация. *Введение.* В январе 1701 г. для ратификации Константинопольского мирного договора (3 июля 1700 г.) к султану Мустафе II был отправлен князь Д.М. Голицын (1665–1737). Он стал первым петровским дипломатом, направленным в Османскую империю в ранге посла. *Методы и материалы.* Комплексное исследование архивных источников (РГАДА), сопоставление содержащихся в них данных с опубликованными материалами дают возможность проанализировать миссию Д.М. Голицына в контексте политики Петра I по отношению к Османской империи в начале XVIII века. *Анализ.* Из-за военных действий под Нарвой отправка посольства задержалась. Д.М. Голицын во время церемоний при османском дворе первым из русских дипломатов надел французское платье. Он также не только следовал устоявшемуся посольскому обычаю, но и учитывал опыт своих западноевропейских коллег. Ратификацию мирного договора посол доставил на пять месяцев позже оговоренного срока. Помимо ратификации Д.М. Голицын имел другие задания, главным из которых было заключение договора о торговле с Высокой Портой. Условия, на которых послу надлежало подписать соглашение, были зафиксированы в особом наказе. Анализ наказа и отчетов посла показал, что для Петра I приоритетом на переговорах являлось не развитие взаимовыгодной торговли с Османской империей, а возможность вывести свой флот из Азовского в Черное море. Доставка товаров на турецких судах или сухим путем рассматривались только как дополнение к русскому черноморскому судоходству. Поставленные в наказе условия не дали Д.М. Голицыну возможности вести переговоры с Высокой Портой, которая категорически запрещала вход европейских судов в Черное море. *Результаты.* Отправка царем к османскому султану великого посла ознаменовала переход взаимоотношений двух государств на новый уровень. Также был создан прецедент приема Высокой Портой петровских дипломатов высокого ранга.

Ключевые слова: русско-турецкие отношения, Петр Великий, Д. Голицын, дипломатия, ратификация Константинопольского мира (1700), торговый договор.

Цитирование. Базарова Т. А. «Послать для своих великого государя дел...»: посольство Д.М. Голицына к Высокой Порте в 1701 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 194–206. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.15>

Введение. Константинопольский мирный договор (3 июля 1700 г.) ознаменовал не только окончание многолетней войны между Россией и Османской империей (1686–1700), но и начало нового этапа взаимоотношений двух государств. Впервые в истории русско-османских отношений царь получил возможность отправить посла на дипломатическое представительство при Высокой Порте¹. Договор зафиксировал условия мирного существования двух соседних держав: размежевание земель, разрушение старых и запрет на строительство новых крепостей близ границы, обязательное урегулирование пограничных конфликтов, возвращение пленных и т. д. [25, № 318, с. 368–378; 26, № 1804, с. 66–72]. Мирные отношения давали возможность развивать взаимовыгодную торговлю. Однако по данному вопросу чрезвычайным и полномочным посланникам Е.И. Украинцеву и И.П. Чередееву (которые вели переговоры в Стамбуле и подписали договор) не удалось прийти к согласию с османскими министрами. Заключение торгового соглашения решили отложить до прибытия в турецкую столицу «торжественного посла» с царской грамотой [25, № 318, с. 376]. В январе 1701 г. к султану Му-

стафе II был отправлен князь Дмитрий Михайлович Голицын (1665–1737).

Методы и материалы. Биографы князя, как правило, лишь упоминают о его дипломатической миссии в Османской империи². Краткие и отрывочные сведения о поездке Д.М. Голицына содержатся и в трудах исследователей российской внешней политики Петровской эпохи. Как правило, историки уделяли внимание только основной задаче посольства – ратификации мирного договора. По замечанию Н.Г. Устрялова, главный итог миссии Д.М. Голицына состоял в том, что царь окончательно уверился – обострения отношений с османами не будет – и смог уделить основное внимание войне со шведами [41, с. 320–321]. Тем не менее в ряде исследований упоминается и другая проблема, поставленная царем перед своим послом: добиться согласия у Порты на хождение русских кораблей по Черному морю. В XIX – начале XX в. ученые предпринимали попытки проанализировать переговоры князя с Высокой Портой о черноморской торговле и судоходстве в контексте предыстории Восточного вопроса и проблемы Черноморских проливов [13, с. 109–110; 30, с. 58–59; 40, с. 31–35]. После того как

Восточный вопрос потерял актуальность в российской внешней политике, угас и научный интерес к действиям Д.М. Голицына при дворе османского султана. В дальнейшем исследователи русско-турецких отношений лишь упоминали переговоры, отмечая безуспешность попыток князя добиться у Порты разрешения на пропуск русских судов в Черное море [18, с. 252; 20, с. 185; 21, с. 37]. По сути, в отечественной историографии посольство Д.М. Голицына (1701) оказалось в тени двух других русских дипломатических миссий – Е.И. Украинцева (1699–1700) и П.А. Толстого (1702–1710). Деятельность князя как дипломата еще не получила взвешенной оценки в отечественной историографии. Между тем хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва) в фонде 89 (Сношения России с Турцией) статейный список посла, его письма и делопроизводственные материалы Посольского приказа содержат малоизвестные историкам материалы. Комплексное исследование этих источников, сопоставление содержащихся в них сведений, сравнение и дополнение данными из опубликованных документов, как нам представляется, дают возможность проанализировать поездку Д.М. Голицына к Высокой Порте в контексте политики Петра I по отношению к Османской империи после подписания Константинопольского мира и процесса европеизации дипломатического церемониала.

Анализ. 2 августа 1700 г. Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев покинули османскую столицу. Согласно 14-й статье Константинопольского договора, царскую ратификацию надлежало доставить султану не позднее чем через полгода после их отъезда [5, с. 231]. Во время пребывания в Стамбуле посланники докладывали в Посольский приказ и о ходе переговоров, и о шестимесячном сроке доставки ратификации. 9 августа гонцы привезли в Москву список мирного договора [5, с. 267; 6, л. 259]. Через десять дней, 19 августа 1700 г., Петр I объявил войну Швеции и начал собирать войска для похода на Нарву. По-видимому, подготовку нового посольства он решил отложить до возвращения чрезвычайных посланников.

Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев прибыли в Москву 10 ноября и через пять дней пе-

редали в Посольский приказ грамоты султана и великого везира, а также подлинник мирного договора на турецком языке и копию на латыни в запечатанном «яшике, оклееном отласом красным». Вскоре Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев получили указ ехать в Великий Новгород, а оттуда «в полки под Ругодив для его великого государя нужных дел» [15, л. 279; 24, л. 280; 36, л. 283]. Вместе с бывшими посланниками к Петру I вызвали и Д.М. Голицына. В военном лагере государь намеревался выслушать доклад вернувшихся из Стамбула дипломатов и проинструктировать нового посла. Однако, по-видимому, эта поездка не состоялась³. Планам царя помешало поражение от шведов под Нарвой: осенью 1700 г. Петр I готовил к обороне Великий Новгород, куда отступали русские полки.

Очевидно государь вернулся к проблеме ратификации Константинопольского мира только по приезду в Москву – в декабре 1700 г. (то есть когда до истечения определенного договором срока доставки грамоты оставалось уже меньше месяца). 11 декабря в Преображенском Е.И. Украинцев торжественно вручил Петру I привезенные из османской столицы грамоты иерусалимского и константинопольского патриархов. В Стамбул с уведомлением о скором прибытии великого посла отправили старого подьячего Посольского приказа М.Р. Ларионова [2, с. 48]⁴. На следующий день, 12 декабря, после того как царь подписал указ «послать для своих великого государя дел к турскому султану в великих послех» Д.М. Голицына [32, л. 33], в Москве начали снаряжать его отъезд.

По сложившейся традиции служители Посольского приказа сделали выписки из посольских книг, касавшиеся предыдущих посольств к Высокой Порте (в том числе о жаловании послам и их свите, подарках султану, османским министрам, муфти, приграничным пашам и т. д.). Самая ранняя выписка относилась к поездке дворянина И.Г. Кондырева и дьяка Т. Бормосова 1622 г., а последняя – Е.И. Украинцева и И.П. Чередеева 1699–1700 гг. [7; 8].

Для посольства выбрали опытных служителей приказов и дворян. Вместе с Д.М. Голицыным определили ехать дьяку Макару Полянскому, трем подьячим, а в дворянах – И.А. Тол-

стому, Б.И. Толстому, И.Б. Львову и др. (все-го – пятнадцати)⁵. Послу должны были помогать переводчики – с польского и латинского Семен Лаврецкий (он оставался в Стамбуле после отъезда посланников), греческого и латинского – Андрей Ботвинкин [31; 39]. В мае 1701 г. в Адрианополь (Эдирне) также направили переводчика с греческого и «волоского» Федора Константинова [42]. Переводчика турецкого языка в Посольском приказе не нашлось. В состав посольства включили толмачей Кирилла Панфилова и Ивана Волошанина. При отправлении членам посольства выплатили «подможные деньги»: послу – 3 920 рублей, дьяку – 700 рублей, дворянам – по 120 рублей и т. д. [9, л. 10].

В декабре Посольский приказ подготовил «любительную» и верительную грамоты султану о назначении Д.М. Голицына великим послом [25, № 351, с. 414–415; № 352, с. 416–417]⁶. Помимо царских грамот для посла составили два наказа – явный («большой») и тайный. Первый касался церемониальных вопросов (разъяснял, как себя вести в том или ином случае, чтобы не умалить чести государя) [43]. Статьи тайного наказа преимущественно затрагивали действия после подачи грамот султану и великому везиру [35]. Именно в нем отразились проблемы, волновавшие русское правительство. Ряд из них касался направлений внешней политики османского государства. Так, послу предписывалось проводить, намерен ли султан придерживаться условий заключенных в Карловичах мирных соглашений (1699), поддержать претензии французского короля на испанский престол, выступить походом на Персию и т. д. Другие пункты касались приграничных набегов поданных османского султана на русские земли и нападений запорожцев на греческих торговцев, а также разграничения земель. Д.М. Голицыну надлежало приложить усилия к устранению антирусского влияния на Высокую Порту шведской дипломатии, крымского хана и польских «недоброжелателей». Ему также следовало выявлять, докладывать в Посольский приказ обо всех «зловных ссорах» и наветах (а по возможности и самому противодействовать им), которые могли негативно отразиться на русско-османских отношениях и привести к разрыву мира.

По традиции отправлявшемуся за границу главе дипломатической миссии в ранге великого посла присваивали наместнический титул. Так, Д.М. Голицын стал наместником Смоленским. Князь не имел дипломатического опыта⁷. Первый посол Петра I в Османскую империю начал свою государеву службу с должности комнатного стольника (1686). Затем его зачислили в Преображенский полк; в 1694 г. он стал гвардии капитаном [11, с. 48]. В 1697 г. по государевой воле Д.М. Голицын вместе с другими стольниками покинул Россию, для того чтобы в Венеции и Перасте изучать морское дело и «присмотреться новым воинским искусствам и поведением» [25, № 139, с. 134–135]. Поездка к турецкому султану стала первым ответственным заданием, которое возложил на князя Петр I⁸.

Д.М. Голицын обладал качествами и навыками, которые требовались для главы посольства: знатное происхождение, а также владение итальянским языком и знание европейского этикета. В XVI–XVII вв. русские великие послы к иностранным дворам также не были профессиональными дипломатами (не являлись служащими Посольского приказа). Главой посольства, как правило, становился представитель аристократии (князь или боярин), которого сопровождал «товарищ» – дьяк Посольского приказа [27, с. 37; 44, S. 2]. В чрезвычайной ситуации (болезнь или гибель посла) обязанности главы миссии переходили к дьяку. Отметим, что Посольский приказ отошел от сложившейся традиции. Запасную верительную грамоту подготовили не для дьяка М. Полянского, а для посольского дворянина стольника И.А. Толстого. В случае смерти посла в дороге, к стольнику переходили все полномочия («по указу великого государя то посольство делать ему, Ивану») [12, л. 225 об.; 32, л. 1 об.].

19 января 1701 г. Д.М. Голицын выехал из российской столицы в Стамбул. До конца XVII в. почти все русские посольства следовали «донским путем»: из Москвы на Тулу к Воронежу, где на стругах и лодках спускались по Дону к Черкасскому и Азову. Азовский паша, как правило, предоставлял русским дипломатам корабли до Керчи или Кафы, откуда они продолжали путь в Стамбул [14, с. 4–14]⁹. После завоевания Азова (1696) Петр I наме-

ревался отправлять своих дипломатов и купцов по Черному морю на русских судах, которые продолжали строить на воронежских верфях. Однако появление в Босфоре военного корабля «Крепость», доставившего в Стамбул Е.И. Украинцева и И.П. Чередеева, и приходившие от шпионов сведения о строительстве флота, а также пристани и крепости на мысе Таганый Рог (Таган-рог) беспокоили Высокую Порту. На переговорах с Е.И. Украинцевым османские категорически отказались принимать царских послов, если они придут по Черному морю¹⁰. Поэтому Д.М. Голицын первым из петровских дипломатов ехал в Стамбул через украинские, польские и молдавские земли (Батурич, Киев, Немиров, Сороку, Яссы) до Галаца в устье Дуная. На подводах везли дары (меха, моржовые клыки и кречетов «в наряде») султану и его матери, великому везиру, муфти, османским министрам, иерусалимскому и константинопольскому патриархам, а также вклады в монастыри – всего на 15 000 рублей [9, л. 10; 28; 32, л. 1–5; 38]. Почти на полтора месяца («за рождением и за наймом подвод») Д.М. Голицыну пришлось задержаться в Киеве [32, л. 2].

2 апреля 1701 г. в польском местечке Цыканевке (близ Сороки) Д.М. Голицын встретил пристав капыджи-баша Мегмет-ага, который имел поручение «с честью» проводить посла до Стамбула [22, л. 459; 32, л. 3 об.]. С этого дня снабжение продовольствием и предоставление транспортных средств для посла и его свиты переходило к османскому государству [3, с. 65]. На следующий день посольство переехало через Днестр. Его приветствовали стрельбой из пушек крепости Сороки, «и встреча была конная и пешая». 12 апреля пристав сообщил Д.М. Голицыну, что султан выехал в Адрианополь, где и будет дана аудиенция [10, л. 461; 32, л. 6 об.].

Торжественный въезд иностранного посольства в резиденцию монарха – важная часть дипломатического церемониала. Он становился первой демонстрацией высокого статуса посла как представителя своего государя. Торжественный въезд рассматривался и в качестве знака оказания чести монарху, отправившему посольство. В османском посольском обычае встрече и проходам посла придавалось боль-

шое значение. По тому, как встречали иностранного дипломата в резиденции султана, по размеру предоставленных покоев и денежного содержания можно было судить о характере отношений между двумя державами [1, с. 28–29; 3, с. 66]. Для того чтобы не нанести урон чести государя, указы и инструкции предписывали царским послам неукоснительно следовать сложившейся традиции въезда и последующих аудиенций у великого везира и султана.

Между тем в 1700 г. русские дипломаты в Стамбуле стали свидетелями прибытия туда посольств других держав Священной лиги, направленных для подписания или ратификации мирных договоров. В своих донесениях в Москву и статейных списках Е.И. Украинцев и С.Ф. Лаврецкий зафиксировали детали въезда в османскую столицу и прибытия на аудиенции к султану и великому везиру европейских чрезвычайных послов [2, с. 52]. Отправленному с аналогичной целью Д.М. Голицыну надлежало «провесть подлинно от верных и желательных стороне великого государя его царского величества людей», как цесарский, польский и венецианский посол «были для подтверждения перемирных своих договоров в Царегороде у салтана турецкого», чтобы настаивать на не менее торжественной церемонии [43, л. 176 об.].

На подъезде к Адрианополю Д.М. Голицын начал готовиться к въезду в резиденцию султана. 19 мая, когда посол находился в четырех станах от города, к нему прибыли переводчик С.Ф. Лаврецкий и подьячий М.Р. Ларионов. Они подтвердили, что султан и правительство находятся в Адрианопле и что «ему, послу, двор изготовлен и на нем полаты многие» [32, л. 9]. Выполнив наказ «не умалить чести» государя, Д.М. Голицын потребовал у пристава, чтобы по примеру предыдущих русских посольств «встреча ему была немалая» и лошадь доставили из султанской, а не везирской конюшни. «А если будет прислана с везирской, то поеду в корете», – пригрозил князь¹¹ [32, л. 9–10].

Торжественный въезд посольства состоялся 21 мая 1701 года. По традиции перед въездом в резиденцию османского султана иностранные послы вместе со своими сопровождающими надевали праздничные, богато украшенные одежды, пересаживались в каре-

ты или на лошадей в нарядных сбруях. Царские дипломаты обряжались в традиционные русские наряды, сшитые из дорогих тканей, отороченные мехом, расшитые золотом и драгоценными камнями. Д.М. Голицын стал первым из русских послов, кто переоделся во французское платье. Именно так для торжественных въездов и визитов в султанский дворец облачались западноевропейские послы (как об этом докладывали в Посольский приказ и Е.И. Украинцев, и С.Ф. Лаврецкий) ¹².

Участники русского посольства образовали длинную кавалькаду, к которой присоединился чауш с 300 сопровождающими и полк янычар. «И посла вели в Адрианополе разными улицами, и смотрелщиков было турок и чюжеземцев многое число» [32, л. 12 об. – 13]. Назначенный Высокой Портой значительный размер денежного содержания («корма») – 150 левков в день – также соответствовал статусу чрезвычайного и полномочного посла дружественной державы [32, л. 15]. Как сообщил в Посольский приказ Д.М. Голицын, «принят я почтением обыкновенным, как у них водитца и других государей послов принимают» [23].

21–23 мая 1701 г. поздравить русского посла с прибытием приходили переводчики английского и голландского послов, а также представитель («резидент») французского посла. 23 мая Д.М. Голицын направил к великому везиру Амджазаде Кепрюлю Хюсейнпаше посольского дворянина И.А. Толстого с официальным сообщением о своем приезде с царской «любительной» грамотой и подарками [32, л. 13–15].

29 мая на встрече С.Ф. Лаврецкого и великого драгомана Высокой Порты грека-фанариота А. Маврокордато обсуждался предстоящий прием посла у султана и великого везира. Переводчик заострил внимание на церемониальных вопросах, которые должны были подчеркнуть высокий статус царского посла (посадит ли великий везир подле себя посла «по древнему своему обычаю, и честь великому послу, как и цесарскому, учинена будет ли», пришлют ли посольским людям 50 лошадей и кафтаны). А. Маврокордато сначала заверял, что Д.М. Голицына примут с такой же честью, как прежних русских послов, а затем, что «честь царского величества по-

слу великому учинитца во всем против цесарского посла» [32, л. 16 об. – 18].

9 июня 1701 г. состоялась аудиенция у великого везира, а 17 июня – вручение грамоты Петра I султану (во время которой были переданы доставленные послом царские «поминок»). Обе церемонии прошли без заметных отклонений от сложившегося посольского обычая, не «уроня чести» государя (от традиции «вырывать» грамоты из рук послов османы давно отказались). Новым стало то, что на аудиенции у великого везира и султана посол, «дворяне и иные чиновные и посольские люди» отправлялись, «убрався ж все во французское платье» [32, л. 41].

Историки петровской дипломатии отмечали ее переходный характер, когда устоявшиеся традиции начали меняться под европейским влиянием. В Петровскую эпоху новые веяния проникали в русский посольский обычай постепенно. Вначале заимствовались внешние элементы дипломатического этикета: одежда, обмен визитами, приемы в посольстве и т. д. [45, р. 341–342; 46, р. 210–211]. Сложившийся в допетровскую эпоху посольский обычай продолжал действовать в отношениях с представителями османской власти [3, с. 26]. Однако, начиная с миссии Д.М. Голицына, русские дипломаты при Высокой Порте уже не только ориентировались на традиции, но и учитывали западноевропейский опыт.

После аудиенции у султана и передачи царских подарков его матери и женам начался процесс перевода ратификационной грамоты султана на латынь, а затем на русский язык ¹³. В те дни, когда велась проверка перевода грамоты и сверка с пунктами Константинопольского договора, Д.М. Голицын попытался выполнить и другие задачи.

Согласно наказу, ему следовало вручить султану, великому везиру и муфти царские грамоты о передаче святых мест под контроль греков, православных подданных османского государства. Еще в 1689 г., во время войны со Священной лигой, султан Сулейман II пошел на уступку дружественной ему Франции, передав значительную часть палестинских святых мест под контроль католиков [16, с. 290–299]. В 1694 г. цари Иоанн и Петр Алексеевичи пообещали иерусалимскому патриарху Досифею II содействовать возвращению святых мест грекам

[16, с. 307–308]¹⁴. По просьбе Досифея русское правительство намеревалось вынести этот вопрос на повестку дня мирных переговоров. В 1699 г. Е.И. Украинцеву были даны соответствующие указания. Однако в Стамбуле А. Маврокордато обратил внимание посланника, что проблемы святых мест и положения православных подданных касаются внутренних дел Османской империи и не имеют отношения к мирному договору, и Е.И. Украинцев не стал настаивать. А. Маврокордато также порекомендовал отправить султану особую царскую грамоту [5, с. 159–161].

Д.М. Голицын получил наказ действовать по вопросу передачи грамот о Гробе Господнем «с согласия с патриархом». Однако посол не последовал совету Досифея вручить грамоту на первой аудиенции у султана (чтобы не поставить под угрозу выполнение своей основной задачи). Вначале он решил посетить великого везира и муфти, узнать их мнение и по возможности заручиться поддержкой [32, л. 47 об. – 48].

28 июня состоялся «приватный» визит посла к великому везиру, а 5 июля – к муфти, во время которых князь затронул проблему возвращения святых мест грекам. Согласно посольскому наказу, Д.М. Голицын подчеркивал: «Великий государь мой не просит ни в державу царствия своего, ни подданным и желает, чтоб было у подданных салтанова величества у греков» [32, л. 79 об.]. Однако этот аргумент не произвел должного впечатления. Для Высокой Порты важно было сохранить доброжелательные отношения с католическими державами, в первую очередь с Францией (своим многолетним союзником). Великий везир и муфти лишь пообещали доложить султану. В августе Д.М. Голицын получил официальный ответ: Высокая Порта не намерена обсуждать этот вопрос, поскольку он является внутренним делом Османской империи [32, л. 122–122 об.].

7 августа состоялась последняя аудиенция у Мустафы II, на которой Д.М. Голицын передал царскую грамоту о Гробе Господнем и святых местах и получил «любительную» и подтвердительную грамоты. Таким образом, процесс обмена ратификациями завершился. После этого настал черед обсудить проблему торговли.

Впервые о разрешении русским торговым кораблям ходить «до Царяграда и до иных черноморских пристаней» Д.М. Голицын заговорил 16 августа на обеде у великого везира («и в бытность ево, великого посла, у него, великого везира, была потеха многая и музыка»). Однако Хюсейн-паша отказался от обсуждения, сославшись на неподходящую для такого серьезного дела ситуацию [32, л. 100–100 об.].

Через два дня посол узнал решение Дивана. Высокая Порта была «с радостию» готова заключить договор о торговле, однако морской путь для русских судов «никоими меры не отворитца». «И лутше бы салтану отворить путь видети дом свой салтанской, нежели оказать путь ходу московским кораблям на Чорном море». В случае необходимости русские торговые люди (по примеру купцов других государств) могли доставлять свои товары на османских судах. Царским послам также запрещалось «ходить кораблями в Царьград» [32, л. 107–107 об.].

Высокая Порта была готова подписать торговое соглашение с Россией, сходное с договорами, заключенными с другими державами. Однако доставку товаров по суше царь рассматривал только как дополнение к морскому пути. Д.М. Голицыну следовало настаивать на обсуждении условий русского черноморского судоходства, сулящего подданным обоих государств «немалые ис того прибитки». Послу предписывалось добиваться разрешения не только на развитие морской торговли через Азов, но и на наличие на русских судах «для обороны пушек и служилых людей от нападения разбойников» [12, л. 220 об. – 224]. Данное условие было связано с идеей Петра I использовать азовский флот для развития международной торговли [5, с. 157]. В свою очередь, османских министров встревожил отказ русского посла обсуждать торговое соглашение на условиях, которые ранее были высказаны Е.И. Украинцеву и И.П. Чередееву. Упорное стремление царя ввести свои корабли в Черное море вызывало подозрение, и османы начали сомневаться в намерении Петра I соблюдать только что ратифицированный договор.

28 августа патриарх Досифей посоветовал послу больше не поднимать вопрос о черноморском судоходстве, чтобы не создавать

угрозы мирному соглашению¹⁵. Во время личной встречи патриарх рассказал Д.М. Голицыну о намерении турок «из Азовского моря в Черное море ход пересыпать и на том месте сделать крепости многие», поскольку Высокая Порта опасалась русского военного флота [32, л. 119–119 об.]. Таким образом посол (которому инструкция предписывала следовать советам Досифея) получил предлог более не поднимать вопрос о черноморской торговле. Отказ от дальнейших попыток не по личной инициативе, а по совету патриарха мог оградить Д.М. Голицына от гнева царя за нерадивое выполнение поручения.

Итак, послу не удалось начать официальные переговоры по данному вопросу. Действия князя ограничились предварительными беседами с великим везиром и рейс-эфенди. Причиной неудачи стали не неопытность князя как дипломата или нежелание османов подписывать торговый договор. Выдвинутые Петром I условия не учитывали твердость позиции Высокой Порты, поэтому задача была изначально невыполнима. Попытка действовать «напролом», рассчитывая только на потепление отношений с южным соседом, наступившее после ратификации мира, была обречена на неудачу. Основное условие царя для заключения торгового договора – черноморское судоходство – являлось для османского правительства неприемлемым. По мнению В.А. Уляницкого, запрет европейским судам входить в Черное море основывался только на политических соображениях: Высокая Порта рассматривала его как внутреннее море Османской империи; интерес же России к морю был экономическим [40, с. 37]. Между тем анализ посольских инструкций показывает, что и для Петра I проблема черноморского судоходства также носила политический характер.

После того как османские министры убедились в том, что русский посол не намерен обсуждать договор о торговле по суше, ему предложили собираться в обратную дорогу [32, л. 123]. По-видимому, ранее Д.М. Голицын обратился к Высокой Порте с просьбой позволить посетить Стамбул. 5 сентября переводчик Н. Маврокордато сообщил послу, что султан разрешил ему ехать в османскую столицу «для осмотра мест» в сопровождении 15 osób «и жить указал инкогнито». 7 сен-

тября князь покинул Адрианополь, где провел три с половиной месяца. На следующий день он оставил продолживший путь в Россию обоз и поехал в Стамбул [32, л. 123–124].

14 сентября посол «инкогнито» прибыл в османскую столицу. Высокая Порта предоставила ему двор и назначила охрану («И поставлен был на дворе, где стоял чрезвычайной посланник Емельян Игнатьевич Украинцов»). На караул у посольского двора определили чорбаджи («чюрбачей») с сотней янычар. По прибытии князь отправил дьяка М. Полянского к каймакаму¹⁶, который был «оставлен в Цареграде вместо везира» [32, л. 125 об.]. Каймакам просил Д.М. Голицына предварительно уведомлять, какие места и когда тот собирается осматривать. «И жил великой посол инкогнито, и хадил по турции, и ездил смотреть домов салтанских и садов, и по рядам ходил, и на Галате был, где живут и европейцы, и у них в домах был же». Д.М. Голицын также осмотрел Арсенал и пущечный двор [32, л. 126, 127 об.]. В Стамбуле посол встречался с константинопольским патриархом и с давним русским доброжелателем «венецианином» С.Л. Владиславичем-Рагузинским. Тот представил послу своих племянников («лет по 15»), которые владели несколькими европейскими языками, и предложил принять отроков, когда те подрастут, переводчиками на царскую службу (а пока учатся, определить из казны «корм») [32, л. 142].

Следуя наказу, Д.М. Голицын попытался установить контакты с западноевропейскими дипломатами. Он их известил, что прибыл инкогнито, поэтому возможен обмен только частными визитами. Надо полагать, что в связи с этим дипломаты решили отказаться от визитов. 30 сентября Д.М. Голицын выехал из Стамбула и отправился обратно в Москву [32, л. 129а].

Результаты. В начале XVIII в. Россия и Османская империя были заинтересованы в ратификации Константинопольского договора (хотя и не были целиком удовлетворены его условиями) и дальнейшем поддержании мирных отношений. Отправка царем к османскому султану великого посла ознаменовала переход взаимоотношений двух государств на новый уровень. Был создан прецедент приема Высокой Портой петровских дипломатов вы-

сокого ранга. Основная цель Д.М. Голицына – обмен ратификационными грамотами – была достигнута.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первым постоянным дипломатическим представителем стал Петр Андреевич Толстой (1645–1729), вручивший верительные грамоты султану Мустафе II в 1702 году.

² Время наивысшего развития карьеры Дмитрия Михайловича Голицына пришлось на вторую четверть XVIII века. В 1726–1730 гг. он был членом Верховного тайного совета и инициатором попытки ограничения самодержавия Анны Иоанновны [4, с. 74–75; 11; 17, с. 48–49].

³ Нам не удалось найти упоминаний ни в литературе, ни в источниках.

⁴ С. Лаврецкий сообщил М. Ларионову, что «о прошедшем шестимесячном сроке неприбытия в Царьгород великого посольства, и что он, гонец, на тот срок не поспел, не токмо меж народом, но и у великих и у знатных людей переговору никакого ни от кого отнюдь не бывало и не слышно» [34, л. 38 об.]. По-видимому, такие известия из Стамбула позволяли руководству Посольского приказа рассчитывать, что задержка доставки ратификации останется без негативных последствий. Д.М. Голицын привез ратификацию почти на пять месяцев позже указанного в Константинопольском договоре срока.

⁵ Список дворян несколько раз уточняли. Как оказалось, одни находилось в действующей армии в дивизии А.И. Репнина, другие, не желая ехать, скрывались. С.Т. Клокачеву, М.М. Самарину, И.П. Бунакову, Л.С. Хитрово пригрозили конфискацией вотчин и поместий [37, л. 78].

⁶ Документ опубликован без точной даты. В тексте грамоты султану упоминается, что царь получил мирный договор от Е.И. Украинцева 11 декабря 1700 г. [25, с. 414]. Вероятно, данное обстоятельство должно было объяснять задержку с отправлением великого посла.

⁷ В 1681–1682 гг. в Стамбуле побывал дьяк П.Б. Возницын. Вместе с послом И.И. Чириковым он должен был получить у султана подтверждение Бахчисарайского договора (1681), заключенного Россией и Крымским ханством. П.Б. Возницын возглавил посольство после смерти И.И. Чирикова на Дону [29, т. 2, с. 166–167].

⁸ Поездка повлияла и на дальнейшее развитие карьеры князя. В течение долгих лет служба Д.М. Голицына проходила на юге России. В 1707–1708 гг. князь (как ранее и его отец Михаил Андреевич) был управляющим Белгородским разрядом и киевским воеводой, а в 1711–1718 гг. – киевским гу-

бернатором [11]. В круг его обязанностей входила оборона рубежей и осуществление почтовой связи между Москвой и Стамбулом. Через Киев ездили русские и иноземные купцы и курьеры. Д.М. Голицын переписывался с русскими послами при Высокой Порте и Посольским приказом, передавал известия, полученные им от торговых людей и шпионов.

⁹ Н.А. Смирнов отметил, что первым через Азов проследовало посольство В.А. Коробова (1515), а последним – Е.И. Украинцева (1699) [29, т. I, с. 75].

¹⁰ Д.М. Голицын получил наказ добиваться того, чтобы следующие русские послы прибывали в Стамбул на русских судах по Черному морю [12, л. 225 об. – 226].

¹¹ Согласно османскому посольскому обычаю, въезд иноземного посла в резиденцию не верхом, а в карете был неприемлем, так как наносил урон чести султана.

¹² Отметим традиционное одяние польского посла: «кафтан суконной алой на соболях, шапка соболем суконная алая з запаную и с пером алмазным». Однако часть свиты была в западноевропейском платье [33, л. 736–737].

¹³ Перевод на латынь выполнял А. Маврокордато, а на русский язык – переводчики Д.М. Голицына.

¹⁴ В 1692 г. подьячий Василий Айтемиров, отправленный послом в Крым, предъявил требование о возвращении османами святых мест грекам [19, с. V].

¹⁵ Досифей сообщил о намерении турок засыпать керченское гирло, чтобы перегородить путь русским судам («турки зело того флота опасуютца») [32, л. 119–119 об.]. В 1702 г. разузнать об этом будет поручено П.А. Толстому.

¹⁶ Каймакам, каймакан – заместитель, временно исполняющий обязанности; здесь – государственный сановник, исполняющий обязанности великого везира в его отсутствие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева, О. Г. Дипломатический церемониал императорской России: XVIII век / О. Г. Агеева. – М. : Новый Хронограф, 2013. – 928 с.

2. Базарова, Т. А. «Ни в какие дела не вступаться»: русские представители в Стамбуле в 1700–1701 гг. / Т. А. Базарова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 8: История. – С. 45–56. – DOI : 10.25205/1818-7919-2020-19-8-45-56.

3. Базарова, Т. А. Русские дипломаты при османском дворе : Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. : (Исследование и

тексты) / Т. А. Базарова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2016. – 864 с.

4. Бантыш-Каменский, Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 2 : Г–И / Д. Н. Бантыш-Каменский. – СПб. : Тип. С. Селиванского, 1836. – 459 с.

5. Богословский, М. М. Петр I : Материалы для биографии. Т. V : Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь: 1699–1700 / М. М. Богословский. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. – 335 с.

6. Выписка из отчета Е.И. Украинцева, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1699. – Д. 4. – Л. 259–261.

7. Выписки для доклада, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 50–52 об.

8. Выписки из посольских книг, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 1–14 об.

9. Выписки из посольских книг, 1702 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1701. – Д. 5. – Л. 7–10.

10. Выписки из отписок Д.М. Голицына, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 461–461 об.

11. Д[ьяконов], М. А. [Голицын] Дмитрий Михайлович / М. А. Д[ьяконов] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб. : Типолитограф. И.А. Ефрова, 1893. – Т. IX (17): Гоа–Гравер. – С. 48–49.

12. Дополнение к тайному наказу (черновик), 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 220–226.

13. Жигарев, С. А. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи) : Историко-юридические очерки / С. А. Жигарев. – М. : Унив. тип., 1896. – Т. I. – 465 с.

14. Забелин, И. Е. Посольские путешествия в Турцию в XVII в. / И. Е. Забелин // Русская старина. – 1877. – № 9. – С. 1–33.

15. Запись о передаче грамот в Посольский приказ, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1699. – Д. 4. – Л. 279.

16. Каптерев, Н. Ф. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707) / Н. Ф. Каптерев. – М. : Тип. А.И. Снегиревой, 1891. – 362 с.

17. Корсаков, Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века / Д. А. Корсаков. – Казань : Тип. Императ. ун-та, 1891. – 448 с.

18. Крылова, Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны / Т. К. Крылова // Исторические записки. – 1941. – Т. 10. – С. 250–279.

19. Маркевич, А. И. Предисловие / А. И. Маркевич // Статейный список подьячего Василия Айтемирева в Крым 1692–1695 гг. : (список) / под ред. А. И. Маркевича. – Одесса : «Экономическая» тип. и литограф., 1896. – С. I–XIII.

20. Молчанов, Н. Н. Дипломатия Петра Великого / Н. Н. Молчанов. – 3-е изд. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 448 с.

21. Орешкова, С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. / С. Ф. Орешкова. – М. : Наука, 1971. – 205 с.

22. Отписка Д.М. Голицына в Посольский приказ, апрель 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 459–460.

23. Отписка Д.М. Голицына Ф.А. Головину, май 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 470 об.

24. Память в Ямской приказ (список), 16 ноября 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1699. – Д. 4. – Л. 280–281 об.

25. Письма и бумаги императора Петра Великого. – Т. 1 : (1688–1701). – СПб. : Гос. тип., 1887. – 888 с.

26. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Т. 4 : 1700–1712. – СПб. : Тип. П Отд. собств. Е.И.В. канц., 1830. – 890 с.

27. Рогожин, Н. М. «У государевых дел быть указано...» / Н. М. Рогожин. – М. : Изд-во РАГС, 2002. – 285 с.

28. Роспись мехов, 1700 // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 18–18 об.

29. Смирнов, Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. / Н. А. Смирнов. – М. : МГУ, 1946. – Т. I : XVI век. – 158 с.; Т. II : XVII век. – 174 с. – (Ученые записки Моск. ордена Ленина Гос. ун-та им. М.В. Ломоносова ; вып. 94).

30. Соловьев, С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VIII : История России с древнейших времен, т. 15–16 / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1993. – 671 с.

31. Список посольских дворян, январь 1701 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 19–19 об.

32. Статейный список Д.М. Голицына, 1701 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1701. – Д. 1. – Л. 1–144.

33. Статейный список Е.И. Украинцева и И.П. Чередыева, 1699–1700 гг. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – Кн. 27. – Л. 1–1373.

34. Статейный список М.Р. Ларионова, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 4. – Л. 1–125.

35. Тайный наказ Д.М. Голицыну (черновик), 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 202–219 об.

36. Указ Б.И. Прозоровскому (черновик), 17 ноября 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1699. – Д. 4. – Л. 283–284.

37. Указ в Поместный приказ (список), 30 декабря 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 78.

38. Указ в Преображенский приказ, декабрь 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 395.

39. Указ в Ратушу о жалованье, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 33–33 об.

40. Уляницкий, В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке / В. А. Уляницкий. – М. : Тип. А. Гатцука, 1883. – VIII, 484 с.

41. Устрялов, Н. Г. История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. – СПб. : Тип. II-го отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1863. – Т. 4, ч. 1. – 611 с.

42. Челобитная Ф. Константинова, 22 мая 1701 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 474–475.

43. Явный наказ Д.М. Голицыну (черновик), 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 169–191 об.

44. Altbauer, D. The Diplomats of Peter the Great / D. Altbauer // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 28. – 1980. – № 1. – S. 1–16.

45. Bohlen, A. Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great / A. Bohlen // *Cahiers du monde russe et soviétique*. – 1966. – Vol. VII. – № 3. – P. 341–358.

46. Hennings, J. Russia and Courtly Europe : Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725 / J. Hennings. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 297 p.

REFERENCES

1. Ageeva O. G. *Diplomaticheskij tseremonial imperatorskoj Rossii: XVIII vek* [Diplomatic Ceremony of Imperial Russia: The 18th Century]. Moscow, Novyj Hronograf Publ., 2013. 928 p.

2. Bazarova T.A. «Ni v kakie dela ne vstupatsia»: russkie predstaviteli v Stambule v 1700–1701 gg. [“Keep out of any business”: Russian representatives in Istanbul in 1700–1701]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologii* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2020, vol. 19, no. 8: History, pp. 45–56. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-8-45-56.

3. Bazarova T.A. *Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateynye spiski P.P. Shafirova i M.B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg.: (Issledovanie i teksty)* [Russian Diplomats at the Ottoman Court: Stateynye spiski by Petr Shafirov and Mikhail Sheremetev in 1711 and 1712 (Research and Documents)]. Saint Petersburg, Istoricheskaya illustratsiya Publ., 2016. 864 p.

4. Bantysh-Kamenskii D.N. *Slovar dostopamiatnykh liudei Russkoj zemli. Ch. 2: G–I*. [Dictionary of memorable people of the Russian land. Part 2: G–I]. Saint Petersburg, Printing house of S. Selivansky, 1836. 459 p.

5. Bogoslovskii M.M. *Petr I: Materialy dlia biografii. T. V: Posolstvo E.I. Ukraintseva v Konstantinopol: 1699–1700* [Peter I: Materials for biography. Vol. V: Embassy of E.I. Ukraintsev to Constantinople: 1699–1700]. Moscow, ZAO Tsentropoligraf, 2007. 335 p.

6. Vypiska iz otcheta E.I. Ukraintseva, 1700 g. [Extract from the report of E.I. Ukraintsev, 1700]. *RGADA*

[The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1699, d. 4, l. 259–261.

7. Vypiski dlia doklada, 1700 g. [Extracts for report, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700, d. 5, l. 50–52 rev.

8. Vypiski iz posolskikh knig, 1700 g. [Extracts from the ambassadorial books, 1700], *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 1–14 rev.

9. Vypiski iz posolskikh knig, 1702 g. [Extracts from the ambassadorial books, 1702]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1701 g., d. 5, l. 7–10.

10. Vypiski iz otpisok D.M. Golitsyna, 1700 g. [Extracts from letters of D.M. Golitsyn, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 461–461 rev.

11. D[iakonov] M.A. [Golitsyn] Dmitrii Mikhailovich [Golitsyn Dmitry Mikhailovich]. *Entsiklopedicheskii slovar Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. IX (17). Goa – Graver. Saint Petersburg, I.A. Efrov' typolithography, 1893, pp. 48–49.

12. Dopolnenie k tainomu nakazu (chernovik), 1700 g. [Supplement to the secret order (draft), 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 220–226.

13. Zhigarev S.A. *Russkaia politika v vostochnom voprose (ee istoriia v XVI–XIX vekakh, kriticheskai otsenka i budushchie zadachi): Istoriko-iuridicheskie ocherki* [Russian Politic on the Eastern Question (Its History in the 16th – 19th Centuries, Critical Assessment and Future Tasks): Historical and Legal Essays]. Moscow, University Printing house, 1896, vol. I. 465 p.

14. Zabelin I.E. Posolskie puteshestviia v Turtsiiu v XVII v. [Ambassadorial travels to Turkey in the 17th century]. *Russkaia starina* [Russian antiquity], 1877, no. 9, pp. 1–33.

15. Zapis o peredache gramot v Posolskii prikaz, 1700 g. [Note about the transfer of letters to the Ambassadorial Prikaz, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1699 g., d. 4, l. 279.

16. Kapterev N.F. *Snosheniia ierusalimskogo patriarkha Dosifeia s russkim pravitelstvom (1669–1707)* [Relations of the Jerusalem Patriarch Dositheus with the Russian government (1669–1707)]. Moscow, Tipografija A.I. Snegireva, 1891. 362 p.

17. Korsakov D.A. *Iz zhizni russkikh deiatelei XVIII veka* [From the life of Russian figures of the 18th century]. Kazan, Tipografija Imp. Universiteta, 1891. 448 p.

18. Krylova T.K. Russko-turetskie otnosheniya vo vremya Severnoy voyny [The Russian-Turkish

Relations during the Great Northern War]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], 1941, vol. 10, pp. 250-279.

19. Markevich A.I. Predislovie [Introduction]. *Stateinyi spisok podiachego Vasiliia Aitemireva v Krym 1692–1695 gg.: (spisok)* [Article list of clerk Vasily Aitemirev in Crimea in 1692–1695: (list)]. Odessa, «Ekonomicheskaja» tipografija i litografija, 1896, pp. I–XIII.

20. Molchanov N.N. *Diplomatiya Petra Velikogo* [Peter the Great's Diplomacy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990. 448 p.

21. Oreshkova S.F. *Russko-turetskie otnosheniya v nachale XVIII v.* [Russian-Turkish Relations in the Early 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 205 p.

22. Otpiska D.M. Golitsyna v Posolskii prikaz, aprel 1700 g. [Letter from D.M. Golitsyn to the Ambassadorial Prikaz, April 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 459-460.

23. Otpiska D.M. Golitsyna F.A. Golovinu, mai 1700 g. [Letter from D.M. Golitsyn to F.A. Golovin, May 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 470 rev.

24. Pamiat v lamskoi prikaz (spisok), 16 noiabria 1700 g. [Memory in Yamskaya Chancellery (copy), November 16, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1699 g., d. 4, l. 280-281 rev.

25. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo*. T. 1 (1688–1701) [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 1 (1688–1701)]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaja Tipografija, 1887. 888 p.

26. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda*. T. 4. 1700–1712 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: The First Collection: From 1649 to December 12, 1825. Vol. 4: 1700–1712]. Saint Petersburg, Tip. II Otdeleniya sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830. 890 p.

27. Rogozhin N.M. «*U gosudarevykh del byt ukazano...*» [“Ordered to be in the affairs of the sovereign...”]. Moscow, Izd-vo RAGS, 2002. 285 p.

28. Rospis' mehov, 1700 g. [List of furs, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 18-18 ob.

29. Smirnov N.A. *Rossija i Turcija v XVI–XVII vv.* [Russia and Turkey in the XVI–XVII centuries]. Moscow, MGU, 1946. Vol. I: XVI vek. – 158 p.; Vol. II: XVII vek. – 174 p. (Uchenye zapiski Mosk. ordena Lenina Gos. Un-ta im. M.V. Lomonosova; vyp. 94) [(Scientific notes of the Moscow Order of Lenin of the State University named after M.V. Lomonosov; issue 94)].

30. Soloviev S.M. *Sochineniya. V 18 kn. Kn. VIII: Istorija Rossii s drevnejshikh vremen* [Works. In 18 books. Book VIII: History of Russia since ancient times], vol. 15–16. Moscow, Mysl Publ., 1993. 671 p.

31. Spisok posol'skikh dvorjan, janvar' 1701 [List of Ambassadorial Nobles, January 1701]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 19-19 rev.

32. Statejnyj spisok D.M. Golitsyna, 1701 g. [*Stateinyi spisok* of D.M. Golitsyn, 1701]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1701 g., d. 1, l. 1-144.

33. Statejnyj spisok E.I. Ukraineva i I.P. Cheredeeva, 1699–1700 gg. [*Stateinyi spisok* of E.I. Ukraintsev and I.P. Cheredeev, 1699–1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, book 27, l. 1-1373.

34. Statejnyj spisok M.R. Larionova, 1700 g. [*Stateinyi spisok* of M.R. Larionov, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 4, l. 1-125.

35. Tajnyj nakaz D.M. Golicynu (chernovik), 1700 g. [Secret instruction of D.M. Golitsyn (draft), 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 202-219 rev.

36. Ukaz B.I. Prozorovskomu (chernovik), 17 nojabrja 1700 g. [Order to B.I. Prozorovsky (draft), November 17, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1699 g., d. 4, l. 283-284.

37. Ukaz v Pomestnyj prikaz (spisok), 30 dekabrja 1700 g. [Order to Domestic Prikaz (copy), December 30, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 78.

38. Ukaz v Preobrazhenskij prikaz (spisok), 30 dekabrja 1700 g. [Order to Preobrazhensky Prikaz (copy), December, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 395.

39. Ukaz v Ratushu o zhalovan'e, 1700 g. [Order to the Rathaus Hall on salary, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 33-33 rev.

40. Uljanickij V.A. *Dardanelly, Bosfor i Chernoe more v XVIII veke* [Dardanelles, Bosphorus and Black Sea in the 18th century]. Moscow, Tipografija A. Gatsuka, 1883. VIII, 484 p.

41. Ustrjalov N.G. *Istorija carstvovanija Petra Velikogo* [History of the reign of Peter the Great]. Vol. 4, part I. Saint Petersburg, Tipografija II-go otdelenija Sobstvennoj e.i.v. kanceljarii, 1863. 611 p.

42. Chelobitnaja F. Konstantinova, 22 maja 1701 g. [Petition by F. Konstantinov, May 22, 1701]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 474-475.

43. Javnyj nakaz D.M. Golitsynu (chernovik), 1700 g. [Explicit instruction of D.M. Golitsyn (draft), 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 169-191 rev.

44. Altbauer D. The Diplomats of Peter the Great. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 28, 1980, no. 1, S. 1-16.

45. Bohlen A. Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1966, vol. VII, no. 3, pp. 341-358.

46. Hennings J. *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016. 297 p.

Information About the Author

Tatyana A. Bazarova, Candidate of Sciences (History), Head of the Scientific and Historical Archive and the Group of Source Studies, Saint Petersburg Institute of History of RAS, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Базарова, кандидат исторических наук, заведующая научно-историческим архивом и группой источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>